

ПРЕДИСЛОВИЕ

Образ героя времени не всегда интересовал писателей. Интерес к нему возник в эпоху романтизма в XVIII в. В русской литературе период расцвета романтизма совпал с началом реализма и стал важнейшим элементом анализа сознания нескольких поколений.

Первым изобразил героев, «в которых отразился век», А.С. Пушкин. Его герой, Евгений Онегин, выбирает для чтения только те произведения, где обрисовано сознание современного человека:

Хотя мы знаем, что Евгений
Издавна чтение разлюбил,
Однако ж несколько творений
Он из опалы исключил:
Певца Гяура и Жуана,
Да с ним еще два-три романа,
В которых отразился век,
И современный человек
Изображен довольно верно
С его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданной безмерно,
С его озлобленным умом,
Кипящим в действии пустом.

(«Евгений Онегин»)

На примере пушкинских персонажей литераторы конца XX в. видели, что герой выделяется из своей среды благодаря личной неповторимости.

Особенности его характера формировались не только под влиянием, но и в противостоянии среде. Одиночество героя Пушкин изобразил не как романтическую исключительность, а в виде черты, присущей поколению.

Пушкинские ровесники — это, с одной стороны, политические деятели, принадлежащие к революционному крылу оппозиционеров — декабристов, а с другой — это образованная свободолюбивая дворянская молодежь. Ее образы были созданы в вольнолюбивой и ранней философской лирике поэта.

Обращение к теме лицейской годовщины (19 октября 1811 г. состоялось торжественное открытие Царскосельского лицея) связано с потребностью в дружеском участии гонимого судьбой, уставшего от «горьких мук» автора. Первое из девятнадцати восьмистрочных строф стихотворения «19 октября» (1825) обрисовывает безрадостный осенний пейзаж:

Роняет лес багряный свой убор
Сребрит мороз увянувшее поле,
Проглянет день, как будто поневоле,
И скроется за край окружающих гор.

Здесь, «В обители пустынных выюг и хлада» стоит «Поэта дом опальный». В лирическом герое стихотворения видны биографические черты: он один из круга лицеистов, чей «завет... мечтаний» неизменен на протяжении многих лет:

Исполнится завет моих мечтаний;
Промчится год, и я явлюся к вам!

Другой автобиографической чертой является положение «затворника... опального», «неправое гоненье», обрушившееся на поэта с «душой нежной» по воле царя — «раба молвы, сомнений и страстей». Эта гроза — причина одиночества и печали лирического героя, но ее он готов простить тому, кто не только «взял Париж», но и «основал лицей».

«Разлука» становится проверкой не только прочности союза, но и его внутренней основы. «Братскую переключку» нарушает только смерть: в четвертой строфе речь идет о ранней кончине больного чахоткой Н.А. Корсакова — лицейского певца и музыканта «С огнем в очах, с гитарой сладкогласной». Но и живых судьба может забросить под «чужие небеса», заставить забыть «прекрасных лет первоначальны нравы». Достоинством того, о ком вспоминает лирический герой в пятой-шестой строфах (Ф.Ф. Матюшкин), является верность лицейской дружбе, сохраненная в скитаниях «среди бурных волн». Куда бы ни занесла «блуждающая судьба» моряка, от «тропика знойного» до

«вечного льда полунощных морей», он остается тем, кем был на «лицейском пороге»:

Ты простирал из-за моря нам руку.
Ты нас одних в молодой душе носил...

Седьмая строфа становится обобщенной характеристикой чудесного «союза лицеистов», который не в силах разрушить «судьбина»:

Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он, как душа, неразделим и вечен...

Духовность, преданность «первоначальным» нравственным принципам, идеалам свободы и искусства, оказываются основой «союза», позволяющей его членам чувствовать свою независимость от «целого мира» и законов «суровой» жизни:

Неколебим, свободен и беспечен,
Срастался он под сенью дружных муз.
Куда бы нас ни бросила судьбина,
Счастье куда б ни повело,
Все те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское село.

Союз прекрасен не только, «пока еще... тут» бывшие лицеисты, но и в тот день, когда останется только память о духовном братстве, соединявшем их. Она принесет отраду всем страждущим, разочарованным, одиноким, будь это последний оставшийся в живых лицеист или сам лирический герой.

В другом произведении этой тематики, послании «К Чаадаеву» (1818), лирический герой ощущает себя на переломе. Он осознает, что его юношеские, «утренние» представления оказались иллюзиями, обманом, особенно остро он чувствует невозможность частного, тихого существования «Под гнетом власти роковой». В новый период главным становится стремление к общественному благу, предстающее как обретение смысла жизни.

Важным стилистическим аспектом послания является его обращенность к единомышленнику. Чувства лирического героя приобретают обобщенность благодаря тому, что за ними видно мироощущение целого поколения («...нежил нас обман», «... в нас горит еще желанье», «Мы ждем...» «наши имена»). Принадлежность к нему — «честь», так как его историческая задача не-

обычайно важна. Его цель обрисована вполне конкретно — это разрушение «самовластья» в России. В контексте послания оно предстает давно ожидаемым событием, что придает лирическому герою уверенность в успехе («верное свиданье», «Товарищ, верь...»).

Стало расхожим мнением утверждение о том, что в современности крупных писателей нет. Это не так. Такие литераторы, как Эдуард Лимонов и Илья Стогов, создали новый тип героя. Это антигерой, которому недостает экстремальных обстоятельств, чтобы применить свои качества. Подобно героям прошлых времен, он обладает сильным характером, выдающимися способностями, личным обаянием. Оценить его черты помогает только столкновение с такими противниками, как время и судьба. Достойных противников среди других персонажей для него не находится. Важнейшее дело писателя — раскрыть его внутренний мир, показать, подобно интимной лирике, суть его души.

Все эти моменты свидетельствуют о том, что в русской литературе складывается новое течение. Начав свое развитие во Франции, в страну великой словесности пришел сюрреализм. Именно его главным признаком было стремление к внутренней обнаженности.

Несмотря на новаторский принцип воплощения образа, в героях Лимонова и Стогова очевидны следы прошлых эпох, обусловленные восприятием классического наследия.